

КНИГА ПЕРВАЯ

И
БОГ
МЕНЯ
КОСНУЛСЯ

ИСТОРИИ ОБ ОБРЕТЕНИИ ВЕРЫ
И СТАНОВЛЕНИИ ЦЕРКВИ

АЛИНА АЛЕКСЕЕВА

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Однажды я услышала историю, которая осталась надолго в памяти. Это история о том, как в одной европейской стране одна христианка, сидя за рабочим столом, вдруг подумала: «Господь благословил мою страну и меня. Мы живем в свободе, можем беспрепятственно прославлять Христа, ничто не мешает нашей вере. А ведь есть народы, которые подвергаются гонениям за право читать Библию, даже просто хранить Священное Писание у себя дома. Не отдельный человек, а целый народ лишен возможности через познание Слова Божьего и веру в Иисуса Христа обрести спасение. Так не должно быть!»

Подумав, она подошла к карте. Мир огромен! «Господи, покажи то место, куда мне надо отправиться, чтобы донести непросвещенным Благоую весть». Она стала водить пальцем по карте и водила до тех пор, пока палец вдруг не застыл на месте, будто прирос к карте. Посмотрела. Палец остановился на Средней Азии. Она никогда не была в этой части мира. Что это за регион, какие народы населяют его? Она не знала. Господь знал и побуждал ее отправиться туда, чтобы там через нее действовал Иисус.

Это было время, когда поднялся железный занавес, отделявший СССР от всего остального мира.

Развал Союза, образование независимых республик, время открытых дверей. Вскоре она стояла перед людьми, о существовании которых раньше не знала. Она говорила им о любви Божьей, о том, что Господь желает, чтобы никто из них не погиб, но обрел жизнь вечную через веру в Сына Божьего Иисуса Христа. Слушавшие плакали, каялись. Она дарила им Новый Завет, христианскую литературу, раздавала гуманитарную помощь.

Я немало размышляла над историей европейки, отправившейся в Среднюю Азию, чтобы там благовествовать. Интересно было проследить, как действует Господь. Вначале Он находит христианку, побуждает ее идти туда, где духовная пустыня. Она благовествует пяти, десяти, потом сотне человек. Так закладывается фундамент национальной церкви. Уверовавшие несут Благоую весть дальше, своим родственникам, друзьям, знакомым. Образуются и растут христианские общины, регистрируются церкви, в которых проповедуют на родном, понятном для народа этой страны языке.

В дальнейшем Господь продолжает собирать новые церкви буквально по крупице, приводя в них кающихся грешников. Нередко не самых лучших из людей — бывших наркоманов, проституток, воров, насильников, неудавшихся самоубийц... От сотворения мира и по сей день мало что меняется в духовной жизни. Как во времена Ноя и Лота люди сходились, пили, веселились, забывая о Боге, так и теперь безрассудно полагают, что все в их жизни зависит только от них самих. Оттого так много печального и страшного мы видим. Как во дни земной жизни Иисуса, так и сейчас во врачах, в исцелении нуждаются

больные. В Божьей помощи нуждаются прежде всего грешники.

Трудно поверить, что даже самых отъявленных грешников Бог создавал для Себя, для достижения Своих благих целей. Но потом что-то в заложенном фундаменте треснуло, события пошли не так. И вот талантливого, подающего надежды юношу находят мертвым от передозировки наркотиков. Одаренного музыканта убивают в уличной драке. Молодая прекрасная девушка, едва распустившийся бутон, избита, изнасилована и покончила с собой. Другая женщина, мать троих детей, не выдержав издевательств мужа-тирана, топит свою боль в алкоголе, ее дети брошены. Как часто, увы, приходится наблюдать все это и многое другое, страшное, печальное, чудовищное! Как много людей испытывают боль, переживают утраты, сталкиваются с жестокостью, беспощадной реальностью, в которой сгорают их молодость, таланты, мечты и добрые намерения! Суровые обстоятельства подталкивают их к пропасти, падение в которую неизбежно.

Обездоленные и несчастные отчаянно барахтаются, пытаясь собственными силами выбраться из пучины бед, избавиться от преследующих их неприятностей, однако силенок не хватает. Они похожи на кораблики, застигнутые штормом. Стихия играючи кидает их из стороны в сторону и опрокидывает. Кораблики тонут или разбиваются о скалы.

Сколько таких трагедий! Каждый день смерть безвременно уносит тысячи жизней. Наркотики, убийства и самоубийства, болезни, несчастные случаи... Люди попадают в дьявольские сети, ходят кривыми дорогами греха, не в силах вырваться на свободу.

И, что самое страшное, погибают, не примирившись с Богом. Никто не сказал им, что Бог любит их и желает их спасения. С этой мыслью христианка из благополучной Европы приехала в Среднюю Азию, чтобы исправить такое положение вещей. И многое сделала для этого.

Самая удивительная и прекрасная история на земле — это история примирения человека с его Создателем. История оправдания Богом грешников, спасения обреченных на гибель. Все меняется лишь тогда, когда они открывают свое сердце, чтобы признать Христа своим Спасителем. Драгоценные в глазах Бога спасенные души. Такими они становятся после того, как Бог касается их сердец, Христос становится их Господом.

Невидимая рука Отца касается людских сердец нежно, нередко незаметно для самих людей. Потом приходит осознание, что именно эта нежная рука Отца выхватила из убийственной стихии, не природной, а стихии человеческих страстей, пороков и грехов. Она вырывает грешника из тьмы и выводит на свет Божий. Происходит чудо. Внезапно останавливается уличная драка с поножовщиной, пропавший алкоголик отказывается от спиртного, наркоман — от наркотиков, изнасилованная женщина вытаскивает себя из петли, нерадивая мать возвращается к своим детям, считавший себя бездарным открывает в себе таланты, начинает творить, жестокий и злой становится милосердным, кривое — прямым, больное — здоровым, отвратительное — благословенным.

Божья сила действует, свет достигает самых потаенных уголков людских сердец, освещая то, что

часто прячут, не хотят видеть, но это спрятанное бо-лит и кровоточит. Свет живителен, он врачует раны, поднимает упавшего, а когда человек вновь способен идти, показывает верную дорогу. Бог касается сердец, в этом и заключается удивительная и прекрасная история примирения людей с их Создателем.

Господь творит чудеса. Одним из таких чудес я считаю мое знакомство с теми, кто обрел христианскую веру благодаря упорной работе европейской миссионерки. Спустя время я повстречалась с этими людьми, попросила их поделиться свидетельствами об их покаянии. Они откликнулись, рассказали свои истории правдиво. Благодарю Господа за их открытые сердца. Однажды христианка, которая свидетельствовала о своем покаянии, спросила меня: «А как вы пришли к Богу? Расскажите, как вы покались». Откровенность в ответ на откровенность. «Если будете писать книгу, обязательно вставьте свое свидетельство», — сказала она, выслушав меня. Я пообещала ей сделать это.

Делюсь своей историей не потому, что считаю ее заслуживающей какого-то особого внимания. Повторюсь, каждая такая история, какой бы пустяковой она ни казалась, — драгоценность в глазах Божьих. Я дала обещание. Теперь исполняю его. Вкратце, не углубляясь в подробности.

До дома оставалось метров триста. Дойду ли я, дотащусь ли до кровати, чтобы упасть и лежать, не двигаясь? Последние силы на исходе. Двадцать второй день голода дает себя знать. Плоти не осталось, кожа да кости. Босоножки стали такими свободными, что я периодически выпадаю из них и костяшками стоп

чувствую раскаленный июльский асфальт. Дочь дер-
жит меня под локоть, значит, не упаду.

— Постой! — говорит дочь.

Передышка хорошо, но лучше скорее домой. На
дорожном столбе, возле которого мы остановились,
наклеено объявление: «Церковь исцеления. Начало
в 15:00».

— Нам туда, — говорит дочь.

Нет! Не могу! Хватит мучений! Хочу лечь и уме-
реть.

Два месяца назад я заметила на груди подозри-
тельную опухоль. Она имела форму голубинового яйца
и росла на глазах. Врачи вариантов не оставили:
только удалять. Предложили операцию. За два мил-
лиона рублей.

Это было время распада СССР. Распада привыч-
ной жизни. Я осталась без работы, мужу третий
месяц задерживали зарплату. Дефолт, рубль стал
фантиком, скромные накопления нашей семьи од-
номоментно превратились в ничто. Какие два мил-
лиона? Денег не хватало даже на продукты.

Это было время, когда в стране началось духовное
пробуждение. После семидесяти лет атеизма народ
потянулся к знаниям, которые властями порица-
лись, осуждались как ненаучные и вредные. Христи-
анские проповедники собирали стадионы и концерт-
ные залы. Сотни, тысячи услышавших Благоую весть
каялись. Возникали новые церкви. Однако свободу
говорить получили не только те, кто свидетельство-
вал о Боге, такой же свободой стали пользоваться
маги, экстрасенсы, ведуньи, колдуньи и прочая бра-
тия, заявляющая о своих сверхъестественных спо-
собностях.

Денег на операцию у меня не было, но на целительницу я могла наскрести. Разумеется, от черных магов хватило ума держаться подальше. А вот целительница, заявлявшая, что видит мое биополе и с помощью духовных инструментов может отремонтировать его, была убедительна. Я согласилась начать лечение. Первым делом надо было поголодать. Сорок дней. Когда я это услышала, задала резонный вопрос:

— А я концы не отдам?

— Не отдашь, — твердо заявила целительница и подняла палец вверх: — Космос дает добро на твою голодовку.

Потом минут пять она делала руками какие-то пассы вдоль моего тела.

Голод давался мучительно. Я вела дневник голодания и считала дни. На десятый день после очередной процедуры у целительницы, обмахивающей меня руками, попросила:

— Можно прекратить голодовку?

— Нельзя, только хуже сделаешь. Если невмоготу, иди в церковь.

В церкви, что на горé, я была. Ничего не изменилось, опухоль продолжала расти, а силы убывать. И вот я дошла до точки, стою у столба с объявлением, едва не падаю, а дочь убеждает:

— Надо идти в церковь.

Не могу, не хочу! Я еле передвигаю ноги. Оставьте все меня, дайте дойти до дома и спокойно умереть. Дочь тянет меня в сторону. Мы добираемся до Дома культуры. Зал полон. На передних рядах больные, кого-то принесли на носилках, кто-то в инвалидном кресле. На сцене появляется парень в джинсах,

---

клетчатой рубаше, с гитарой. Поет о Боге, ему подпекает группа ничем не примечательных людей, молодых и пожилых — таких полно на улице. Это церковь?!

Я была на горé в церкви с золотыми куполами, батюшки там как батюшки, в облачении, церковным языком владеют. А это что за ребята на сцене? О Боге говорят как о своем приятеле. Но почему-то их слова бередят душу, плакать хочется. Звучит призыв выйти на сцену, раскаяться в грехах, признать Христа Господом. Дочь толкает меня вперед. Ноги ватные, ступеньки крутые. Как же мне подняться? Какая-то сила вдруг вливается в мое немощное тело. Преодолеваю ступеньки. Осталось только преодолеть напавшую на меня немоту. Ком в горле, ни слова не могу из себя выдавить. Каким-то чудом произношу молитву покаяния и рыдаю.

Люди, которые пели о Боге, становятся кругом, я в центре. Они громко молятся, возлагают на меня руки. Я не чувствую своего тела, оно стало невесомым, я улетаю куда-то вверх, где яркий свет. Сердце замирает от теплого, ласкового прикосновения. «Ты спасена», — я не слышу этих слов, но почему-то знаю, что так и есть.

Вернулись с дочерью домой, муж смотрит на меня с тревогой. Так он смотрит на меня все время, что я болею. Говорю ему: «Бог исцелил меня, теперь я здорова».

Голос у меня слабый, и опухоль никуда не делась. Муж приходит в еще большее волнение. Не повредила ли я головой на почве голода?

С этого дня я стала постепенно выходить из голодовки и непрерывно повторять: «Христос грехи мои телом вознес на древо. Ранами Его я исцелилась».

Опухоль исчезла спустя два месяца. Без скальпеля, без медикаментов.

Такова моя история Божьего прикосновения, которое трудно передать словами. После этого жизнь меняется в корне, будто из одной системы координат перемещаешься в другую, удивительную, необычайную. Новые друзья, новые отношения, новое поле деятельности. Когда Иисус входит в нашу жизнь, мы горим желанием сделать для Господа что-то полезное. Окрепнув после голода, набравшись сил, я стала молиться о том, чтобы Господь использовал мои способности, всё, что я умею, для Своей славы. А что я умею? По образованию и роду деятельности журналист, работала в разных газетах. Можно ли этот опыт как-то применить в христианской жизни?

Еду на трамвае в центре Санкт-Петербурга, рядом с Петропавловской крепостью. Остановка, вагоновожатый объявляет: авария, трамвай дальше не пойдёт. Выхожу. Где я, что за улица? Вижу название улицы и вспоминаю, что здесь находится редакция одной христианской газеты, которую я читала. достаю газету из сумочки. Все верно: вот эта улица, вот этот дом, где располагается редакция. Постучала, мне отворили и приняли на работу. Трудилась ответственным редактором христианской газеты много лет. Господь посылал людей, которые делились своими свидетельствами о покаянии. Я записывала эти свидетельства, полагая, что когда-нибудь они могут лечь в основу книги про духовное преображение. Так накопилось немало интервью с людьми, которых, как и меня, спас Бог. Разные обстоятельства, разные судьбы и даже разные страны. Объединяет истории

одно: Бог коснулся всех этих людей. Благодаря их свидетельствам можно увидеть, как меняется после этого жизнь.

В данную книгу вошли истории, записанные в регионе, куда с Благой вестью в далекие девяностые отправилась европейская миссионерка. Почему именно они? Я называю героев этих историй героями веры, хотя сами они так о себе не думают. Они — яркий пример верности Христу. Национальные церкви, появившиеся благодаря деятельности и служению миссионеров, по сей день подвергаются гонениям. Христиан преследуют власти, они ощущают громадное давление со стороны родственников, друзей, в массе своей мусульман. Их вера постоянно проходит серьезные испытания. Об этом и хочется рассказать, чтобы как можно больше людей узнали о героях веры, через что им пришлось пройти и в какой духовной битве они участвуют сейчас.

Эта книга особенная. В ней много боли и слез. Но много света и радости. Ее героини открывали самые сокровенные уголки души, без утайки признавались в неприглядных поступках, совершенных в прошлом, когда в их жизни господствовал грех. Вместе мы сокрушались и вздыхали с облегчением от осознания, какая милость Божья была проявлена к грешникам. Неравнодушный читатель может испытать такие же чувства.

Прощаясь, я говорила им: «Дойдет дело до книги, ваши имена, отдельные обстоятельства, география будут изменены. Нельзя подвергать вас еще большей опасности». Каждый раз слышала в ответ: «Пишите все как есть. Мы ничего не боимся». Они научились непоколебимо стоять в гонениях. Сложные условия,

---

испытания считают нормой. Таков их выбор. Но есть другой выбор — не навлекать новых гонений, поводом для которых может послужить информация, собранная в книге. Поэтому не ищите среди героев книги своих знакомых. Они могут быть рядом, но в целях безопасности их подлинные имена скрыты. Изменены также некоторые обстоятельства их жизни, точно указывающие на местожительство, место работы и учебы детей.

Благодарю всех героев книги за их открытые сердца, за то, что делились сокровенным. Да послужит это ободрением для тех, кто будет читать их истории.

Алина Алексеева

1.

ЗЛОЙ... ДОБРЫЙ... СПАСЕННЫЙ АЗАМАТ

Если бы я случайно встретила его на улице, то подумала бы, какой замечательный типаж для роли Деда Мороза. Как пригодился бы человек с такой фактурной внешностью для устройства детских праздников на Рождество или Новый год! Доброе, улыбающееся лицо, широкие плечи, крепкое телосложение. Вся его фигура — это своеобразное послание, напоминающее, что существуют еще на белом свете надежность, опора, защита. За этой фигурой вполне можно спрятаться от тревог и забот.

Такие мысли рождаются, если смотришь на Азамата со стороны. Глядя на него, думаешь, он тот, кто может стать героем книги. Вот только захочет ли он откровенно рассказать о себе? Сколько раз бывало: начинаешь задавать «неудобные» вопросы (а как без них?), и человек замыкается, уходит в себя. Далеко не всем пришедшим к Богу и живущим потом в мире с Ним хочется вспоминать, какими они были раньше.

Прежде чем знакомиться с будущим героем, я внимательнее посмотрела на него издали. Первое впечатление о нем как о возможном кандидате на роль Деда Мороза или Санта-Клауса лишь

усилилось. Сантой его бы называли, если бы он жил на Западе. И честно говоря, «Санта» больше подходит Азамату, чем «Дед».

Он улыбается. Не как голливудский актер, показывая безупречные зубы. Он улыбается тихо, задумчиво, солнечной улыбкой, которая словно говорит: «Я добрый». Даже не так. Его улыбка — что-то вроде визитной карточки, на которой только одно предложение: «Я очень, очень добрый». Сразу представляешь, как он угощает детей изюмом и халвой и как счастливые от его доброты ребяташки стремятся взгромоздиться ему на колени. Колени у Азамата большие, крепкие, они могут принять много детей.

Образ Санта-Клауса подкрепляют пакеты в его руках. По тому, как привычно и ловко он обращается с ними, понимаешь, при нем всегда есть какие-нибудь подарки. Не только на Рождество. Всегда. В пакетах, как и полагается, все самое вкусное: орехи, сухофрукты, конфеты, печенье, мандарины... Чтобы было что дарить. Он не может не дарить. Случись непредвиденное — вдруг ничего не окажется в руках, чтобы подарить (хотя это трудно себе представить), он одарит своей ослепительной, солнечной улыбкой. Подарок, скажу вам, не меньшей ценности, чем сласти.

Да, Азамат — лучший Санта-Мороз своей страны. Это не мое определение. Так решили дети, тянущиеся к нему. А детей не проведешь! Однако Азамат притягивает своей добротой не только малышей, но и взрослых. Сним хочется поговорить. Просто поговорить, без каких-либо подарков, хотя все, с кем он общается, подарки получают.

Узнав, кто я и что хочу услышать, Азамат смущается. Этот большой добрый мужчина говорит, что не тянет на роль героя книги и лучше будет, если я поговорю с кем-то другим. Но после недолгих уговоров и решающего слова «надо» соглашается рассказать о себе. Просто, без ложной скромности.

Он начинает свой рассказ, и поначалу мне трудно поверить в то, что я слышу. Образ Санта-Мороза распадается, тает на глазах, словно большой сугроб под лучами весеннего солнца. Передо мной уже сидит не добрый Санта, раздающий подарки детям и взрослым, а совсем другой человек. Со сложной судьбой, с испытаниями, которые мало кто способен вынести. С испытаниями, о которых уж точно мало кто знает и редко кто сталкивался. На долю Азамата они выпали.

Я родился в одном из сел в Ферганской долине. Среди гор и полей. Семья жила безбедно, папа — электрик и строитель, уважаемый человек на селе. Мама, как во всякой добропорядочной мусульманской семье, занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. Нас было шестеро: три сестры, два брата и я, самый младший. Мама болела. Мне было семь лет, когда она умерла. На этом мое счастливое детство кончилось. Дальше пошли трудности.

Потерять маму в таком возрасте — настоящая трагедия. Но никто этого, будучи ребенком, не осознаёт. Просто постоянно испытываешь боль и думаешь, как выжить.

Про себя могу сказать одно: мама до сих пор стоит перед моими глазами — красивая, очень добрая, хоть и слабая от болезни. Помню ее нежные руки, она

гладит меня по голове. Помню, я свалился с табурета, она прижимает меня к себе и напевает песенку. Мне уже не больно, а весело. Сама болела, но заботилась о нас постоянно, до последнего не прекращала работать. Я не видел, чтобы она лежала, всегда что-то делала по дому. В последнее время она испытывала сильные боли, помню, каким страдальческим было ее лицо. Вот только не помню, чтобы, несмотря на эту боль, она раздражалась, ссорилась с детьми. От нее исходила только любовь. Если бы не она, я бы, наверное, так и не узнал, что на свете есть настоящая большая любовь. Теперь понимаю, как мне повезло, еще мальчиком испытал на себе это удивительное чувство: меня могут любить просто так, ни за что. Даже если я провинился и сделал что-то плохое. Эту материнскую любовь мне удалось пронести по жизни, несмотря ни на что. Она много раз спасала меня.

Признание дается Азамату нелегко. Кажется, ничего особенного он не открыл. Для нас. Но для себя... Похоже, он сказал что-то важное, о чем раньше не задумывался. И теперь ему стало легче, он продолжает рассказывать о далеком горе более уверенно.

Мамы не стало, я оказался один-одинешенек, предоставлен сам себе. Чувствовал себя покинутым. Меня как могла опекала бабушка, которая и сама нуждалась в заботе. Папа все время на работе. Старшие братья и сестры быстро вылетели из родительского гнезда, у них своя жизнь. Самая старшая сестра была замужем, жила в семье мужа, две другие сестры ухаживали за двумя бабушками. Братья работали.

Как я уже говорил, наша семья была мусульманской. В четверг всегда читали Коран. Я знал весь Коран наизусть. Никто не учил меня арабскому, я просто запоминал все со слуха. Молился с детства. Тоска по маме была такой сильной, что мои молитвы были об одном: Аллах, сделай так, чтобы мама воскресла. Ведь это Ты почему-то забрал ее. Ты забрал, Ты можешь и вернуть. Я искренне верил, что если своими силами как-то угожу Богу, то снова увижу маму, закончатся мои страдания. Я придумывал, что бы такого сделать, чтобы мама воскресла. Молился, и вот пришла мысль: если я пронесу два полных чайника воды, не расплескав ни капельки, до мечети, то Бог оживит маму. Нести надо было полтора километра. Я пронес. Маму живой так и не увидел. «Почему?» — спрашивал я нашего имама. Он ответил: «Аллах знает».

Меня отдали на обучение этому имаму. Старался также в школе хорошо учиться. Мечтал стать врачом. Думал, если Аллах не помогает, может, врачи сделают так, чтобы мамы не умирали и маленькие дети не оставались сиротами.

Так я рос, видел хорошее и плохое. Видел, как отец ходит в мечеть, все правильно говорит, а дома — беспорядок, запущенность... Порядка не было не только в быту, но и в отношениях. Это я теперь понимаю, а тогда думал, что так и надо. Ребенок окружающую жизнь воспринимает как должное. Конечно, «неудобные» вопросы возникали. Почему папа хорошо зарабатывает, но обо мне не заботится? Почему не подойдет и даже не спросит: как дела, сынок, ел ты сегодня или не ел? Почему редко смотрит в мою сторону, будто я ему чужой? Эти вопросы повисали

в воздухе, а потом вообще стали неактуальны. Папа стал жить отдельно, с другой семьей. У него был большой дом, сад. Я же нередко по несколько дней видел только хлеб и воду. Старшему брату пожаловался, он предложил забраться к отцу в сад. Воровать у отца? Как можно, что такое предлагаешь, брат?

Брат тогда где-то подрабатывал, точно не скажу где. У него тоже денег всегда не хватало на еду, так он мне объяснял. А насчет того, чтобы забраться в сад к отцу, успокоил: это не воровство, отец сам бы дал, просто он о нашей нужде не знает, ему некогда. Он очень занят, у него другая семья, другие заботы. Но если он вдруг узнает, что нам нечего есть и поэтому мы забрались в его сад, то нам ничего не будет.

Мы пошли: я, брат и друг брата. Набрали фруктов: персиков, айвы, гранатов. Довольные, стали перебираться обратно, не подозревая, что по забору проложен провод, и он под напряжением. Туда перелезли через забор удачно, а обратно... Я нечаянно схватился за провод, и получил сильный удар током. Напряжение было такое, что я отлетел в сторону на метр. Лежал на земле и думал: сейчас я умираю, ну и хорошо, значит, скоро увижу маму. Брата и его друга просил: похороните меня рядом с мамой. Спасибо им, они меня не бросили. Просьбу похоронить с мамой проигнорировали, зато с километр тащили меня на себе до дома, к бабушке.

Папа, конечно, все узнал. Никак не отреагировал. Будто ничего и не произошло. Меня мучал вопрос: что отец думает обо мне, считает ли, что у него есть сын Азамат, или вычеркнул меня из своей памяти? Ведь он совсем не общался со мной, даже видеть не хотел, не то что помогать.

Меня грела мысль: вот стану врачом, буду лечить людей. Почему-то очень хотелось помогать людям, может, потому, что мне никто не помогал. После восьмого класса поехал поступать в училище. Учился я хорошо, и аттестат у меня был хороший. Считаю, что и вступительные экзамены я сдал хорошо, но, объявили, не прошел по конкурсу. Откуда тогда мне было знать, что конкурс выигрывают не аттестаты и знания, а деньги. Их у меня не было. Разочарование было ужасным. Не поступил — конец всему. Я пал духом, не знал, что дальше делать. Мне было пятнадцать лет. Я абсолютно не представлял, куда пойти, куда податься. Чувствовал себя никому не нужным. И рядом никого, кто бы мог поддержать в трудную минуту.

У большого, солнечного человека, произносящего эти слова, увлажняются глаза. Так бывает, когда мы трогаем какую-то болячку из прошлого. Казалось бы, давно забытую, навсегда похороненную под грузом событий минувших лет и наслоениями всякого рода происшествий. Оказывается, ничего подобного. Болячка-то жива-живехонька. Просто притаилась тихонько в глубине души. Но если тронешь ее, ой как больно снова!..

Да, никого. Семья большая, но я с детства болтался на ее обочине. Мне и в голову не приходило обратиться к родственникам за помощью. Не поступил — ну и что, не умер же. Как жить дальше, решай сам, не приставай по пустякам. И я решил: раз в мире столько несправедливости, надо с этим что-то делать, надо бороться, пойду в спорт, на бокс, буду

сильным и стану побеждать всех обидчиков. Победить вообще всех, кто вздумает идти против меня.

Нашел бесплатную секцию для детей и юношей. В те времена были еще такие. Начал заниматься рукопашным боем. Мне нравилось, и тренеры хвалили, говорили: ты парень не без способностей. Раз так, решил я, буду поступать в физкультурный институт. Там добьюсь многого. Поехал в Наманган, сдал экзамены и ждал зачисления, потому что сдал хорошо. Но и на этот раз мне сказали, что я провалился. Знающие люди объяснили: ты же денег не дал — на что тогда надеялся? Этот случай открыл глаза окончательно. Стал понимать, как работает система, построенная на подкупе. Коррупция была тогда ужасная, называлась блатом. У меня никакого блата не было и быть не могло, поэтому я был безнадежен в плане устройства в обществе на какое-то хорошее место. Неважно, какие у тебя знания и способности, если ты не имеешь денег или высокопоставленных родственников, не имеешь связей, никогда не осуществишь свои мечты, ничего не добьешься в жизни. А такому нищему, как я, даже и мечтать вредно. Опять передо мной тот же вопрос: куда пойти, куда податься? Пока думал, подошел призывной возраст.

Военкомат направил меня на учебу. Шесть месяцев отучился, получил водительские права и поехал служить в Россию. Меня направили во внутренние войска. Я попал в подразделение, где были представители многих национальностей: русские, украинцы, белорусы, армяне, азербайджанцы, таджики, кого только не было, даже грек — о нем расскажу позже. Такая вот многонациональная разношерстная команда охраняла зоны, то есть места лишения сво-

---

боды, где находились преступники. Команда наша не отличалась дружелюбием, солдаты враждовали между собой, и не только по национальному признаку. Хотя в те времена разжигание межнациональной розни строго каралось и преследовалось, политика была направлена на укрепление дружбы между народами, все равно представители этих разных народов смотрели друг на друга косо и конфликты случались. Ссоры и «разборки» чаще всего возникали из-за места под солнцем: где лучше спать, кто больше и вкуснее будет есть, меньше работать. Тот, кто сильнее и наглее, считал себя пупом земли и хотел, чтобы все остальные подчинялись ему беспрекословно.

Несмотря на то что межнациональная рознь не поощрялась властями в лице наших командиров, наше подразделение было разделено на группы в основном по национальному признаку. Возникали землячества, куда принимали только своих. У нас командиром был туркмен. Маленький, юркий и ужасно злющий. Он собрал ребят-азиатов и сказал: «Мусульмане, мы должны поддерживать друг друга. Кто не с нами, тот против нас». Так образовалась наша «опергруппа», и меня взяли в нее. Занятия рукопашным боем не прошли даром. Я хорошо дрался. Это оценил не только наш вождь-туркмен, но и начальники на зоне. Они вызывали и ставили задачу. А задача была всегда одна — усмирять непокорных, подавлять несогласных, пресекать на корню любое непослушание. Методы сами знаете какие.

Была, скорее всего, и дедовщина — так тогда назывались неуставные отношения. Хотя в наших войсках, наверное, дедовщины в чистом виде не

было. У дедовщины более широкий охват армейской жизнедеятельности. Мы, то есть наша «опергруппа», действовали по команде сверху. Наш командир получал приказ и уже сам ставил нам задачу пойти «разобраться» с тем-то и тем-то. Мы шли и наказывали «провинившихся», избивали заключенных. Порой до полусмерти. Мы знали, что все делается с согласия и даже по прямой команде сверху, в основном по распоряжению начальников зоны.

Что я чувствовал, избивая людей? Поначалу чувствовал себя ужасно, спать не мог. Вот были у меня занятия вольной борьбой. Там мы учились драться и дрались жестоко. Но передо мной был достойный противник, который тоже был обучен и владел теми же приемами, что и я. Это была честная, справедливая борьба. В армии все было иначе. Возвращаясь к дедовщине, могу сказать, что приказ «наказать» действовал и в отношении военнослужащих, которые чем-то не угодили своим командирам. Такие приказы тоже выполнялись. Одного избивали двое или трое. Он был слаб и беззащитен. И чаще всего невиновен. Мы это знали.

Мы получали опыт жестокости, но без него невозможно было существовать. Как может чувствовать себя каратель, который точно знает, что «провинившийся» ни в чем не виновен, просто кто-то сводит с ним счеты или хочет подчинить его себе, сломить, сделать своим рабом? И делает это твоими руками. Нормальный человек будет чувствовать себя гадко. Но мы знали и другое. Мы прекрасно понимали: если не выполним приказ, окажемся на месте «провинившегося» и тогда расправа будет над нами. Выбора не было. Все просто: или ты их, или ты вмес-

---

то них. Потом от такой работы тупеешь, и тебя уже не трогают ни вид крови, ни чужая боль, ни крики, ни мольбы о пощаде.

Кроме того, были средства заглушить голос совести — все же душа болела. Не было никаких проблем с тем, чтобы, если захочется, выпить водки или покурить. Не только табака, были посерьезнее травки. Все знали, как и где их взять.

В нашей «опергруппе» были одни мусульмане. И вот парадокс. Да, мы знали, что наша религия против водки. Но мы считали, что здесь, в России, на такой службе мы не делаем греха, если таким образом снимаем стресс. Скорее всего, просто закрывали глаза на запрет. К тому же это не было выбором каждого в отдельности. Все пьют, курят, а я не буду? Как на меня посмотрят? Никто не мог противопоставлять себя коллективу.

Как я уже упоминал, в нашем многонациональном коллективе был один молодой грек. Все называли его Попандопуло. Прозвище, как потом оказалось, говорящее. Но тогда я не знал, что Попандопуло в дословном переводе с греческого означает «сын священника». Очень меня удивляло его поведение. Попандопуло был парень неслабый, физически хорошо развитый, бицепсы, трицепсы — все на месте. Он мог поднять нагруженную тумбочку и одной левой перенести ее на другое место.

Его все эксплуатировали, заставляли делать самую тяжелую и грязную работу: передвигать мебель в казарме, мыть пол в туалетах, стирать чужое белье... Он был хуже раба, на самой низшей ступени. Над ним издевались все кому не лень. Даже те, кто был слабее его и сам подвергался унижениям.

Попандопуло не был слабым и вполне мог дать отпор любому, но не давал. Вместо этого покорно выполнял все, к чему его принуждали. Такое поведение в коллективе, где уважали только кулак и силу, было по меньшей мере странным, даже, я бы сказал, абсурдным.

Как-то наш командир приказал ему почистить сапоги. Попандопуло начистил их до блеска, но командир был не в духе, со злости кинул ему сапог в лицо: плохо почистил, такой-сякой, исправляй, а то хуже будет. Попандопуло чистил ему сапоги до ночи. Я не выдержал, подошел к нему после этого и спросил: почему ты такой кроткий? Он ответил: потому что я христианин.

Помню, мне стало обидно за него, подумал: у меня есть сила, буду защищать обиженного. Я сказал ему: не подчиняйся больше никому, не делай за них ничего. Кто заставит тебя мыть пол, мне скажи, я с ним разберусь. Он поблагодарил, но ни разу не обратился за помощью. Ладно, думаю, все равно докопаюсь, почему ты, христианин, такой кроткий.

Попандопуло не жил с нами в казарме, только спать приходил. Спал на полу, на какой-то подстилке. Все его вещи были в каморке в свинарнике, где он работал и обитал большую часть времени. Там ему было спокойно, мусульмане не переступали порога свинарника. Однажды я залез в его каморку, знал, что Попандопуло моет туалет, его нет на месте. В свинарнике, конечно, вонь стояла ужасная, но в самой каморке было чисто, вещи аккуратно сложены. В его тумбочке я нашел книгу с крестом и в пластиковой обложке. Это была Библия. Открыл, полистал. Написана непонятным языком. Слова вроде

знакомые, но как их понимать?.. Тогда что-то шевельнулось в моей душе. Еще больше пожалел этого странного Попандопуло и решил, что всегда буду его защищать, огражу от любых нападков. Мысли появились тоже странные. Если все христиане такие, как Попандопуло, то почему мусульмане их ругают? Вот взять Попандопуло — он ничего плохого не делает, старается всех слушаться, желает всем мира.

Возникло даже желание поговорить с греком о его вере, больше узнать о книге с крестом. Да, такое желание было, но что-то сдерживало меня. Как подойти, спросить? Я ведь только жалел его. И жалел из чувства собственного превосходства. Хотел покровительствовать. Гордость не позволяла прийти к нему и сказать: приятель, не разъяснишь ли мне, про что там в твоей книге написано? Почему ты такой? Потому что быть таким приказывает тебе твоя книга?

Я считал тогда для себя позором подходить к Попандопуло, этому унижаемому всеми человеку, с вопросами. Показывать ему, что я чего-то не знаю, нуждаюсь в его разъяснениях. И все же встреча с этим человеком запала мне в душу.

После армии и приобретенного там опыта прямая дорога мне была в правоохранительные органы. Место работы — КПЗ, камера предварительного заключения в отделении милиции Кемеровской области. КПЗ — это такая яма, полная грязи. Окунаешься в эту грязь с головой, тормоза отказывают, начинаешь вести себя как вздумается. Доставляют задержанного, я его обыскиваю, изымаю все ценности: деньги, телефон, золотые украшения, кольца, цепи. Составляю акт, закрываю несчастного в клетке. Все ценности задержанного присваиваю себе. Если он

начинает «выступать», кричать, чего-то требовать, я захожу в клетку, матерю его на чем свет стоит, кулаками обрабатываю хорошенько. Не угомоняется — вырубаю так, что всю оставшуюся жизнь бунтовщик будет на лекарствах.

Всегда так делал. Никакой жалости. Считал, просто так в КПЗ не попадают. Попался, значит, преступник — пьяница, насильник или бандит. Вина не доказана, ну и что? Надо будет — докажут. С такими только кнут, никак иначе. Работал двое суток, трое отдыхал. Как отдыхал? Дома никогда не сидел. Братья гаишники всегда подбрасывали работенку. Сами понимаете какую. Исключительно грязную — по отъему денег у населения. Потом и откровенный криминал подтянулся в качестве работодателей. Мне звонили темные личности, давали конкретное задание: разобраться с тем-то, тогда-то. Шел, разбирался.

Мой родной брат, средний, тоже работал в милиции. ОМОН — отряд милиции особого назначения. Это еще хуже, то есть страшнее. В девять часов у них развод, поступает информация о происшествиях, где что случилось: воровство, нападение, убийство... Вся эта информация хранится у брата как предполагаемый источник дохода. Он тут же сообщает, что можно с этого поиметь, как сведения превратить в деньги. У него рождается план, он звонит: давай подтягивайся, надо раскрутить барыгу.

Мы врвались в дома, избивали хозяев. Если женщины и дети не вели себя смирно и не подчинялись нашим приказам, им тоже попадало. Если хозяин был несговорчив, отказывался давать информацию, брат приказывал пытаться его. Брат был вообще без тормозов. Мне становилось страшно за него. Чем

дальше, тем больше страх отравлял душу. Что мы делаем, куда идем?..

Да, я знал, что можно творить все, что мы творили, безнаказанно. Если делать все грамотно, то бояться нечего. Система, в которой мы жили, это позволяла. Закон бездействовал. Чего и кого бояться? Но все равно было страшно. Сейчас скажу почему.

Я видел, что происходит с моим братом. Куда он катится? Он ни перед чем не останавливается. Проявляет неоправданную жестокость. Куда приведет этот путь? Он становился хуже преступников. Я не хотел идти таким путем, но понимал, что другой дороги нет и не будет.

Лицо Азамата может меняться, как вода в сосуде. Только что на эту воду падала серая тень, и она была темной, вязкой, как болотная жижа. Но вот на сосуд попал лучик света, вода всколыхнулась, задвигалась и стала прозрачной. Так и лицо Азамата. Оно просветлело, словно омытое волной новых воспоминаний.

Думаю, уже тогда Бог спасал меня. Я не знал Его, но Он не давал мне погибнуть, утонуть в болоте криминала. Вдруг получаю письмо от старшего брата, он пишет: папа стал совсем слепой, возвращайся, ухаживай за больным. Я не видел папу больше десяти лет. Все это время он не интересовался мной. Но наши традиции сильнее эмоций. Младший должен позаботиться о немощных родителях, иначе счастья не увидит — такой порядок. Я вернулся на родину, в Узбекистан. Опять вопрос: куда пойти? Хотя и не вопрос вовсе. Мне одна дорога — в милицию.

Родственники восстали, заявили, что категорически против. На границе, видите ли, беспорядки, туда правительство перебрасывает силы, чтобы порядок навести, многих милиционеров постреляли. Я послушал их, в милицию не пошел. А жить-то как-то надо, деньги зарабатывать. Устроился охранником. Сутки на работе, двое суток свободен. Есть два дня и две ночи. Что с ними делать? Днем можно спать, а ночью... воровать. Дурное дело нехитрое. Быстро нашлись приятели, предложили воровать стройматериалы на строительных объектах. Воровали и продавали. Кроме этого, за папой ухаживал, женился.

Азамат говорит о важных переменах в своей жизни — опеке над отцом, женитьбе — без особых эмоций, в порядке перечисления. Как будто это ничего не значащие события, обыденность, не стоящая внимания. Взятая опекать слепого отца — подумаешь какие пустяки! Учитывая, что отец его, когда был здоров, почти вычеркнул сына из своей жизни.

Женился — ничего особенного, как будто просто сходил в магазин. Был одинок, а потом рядом оказалась женщина, называемая женой. Что тут такого? А ведь эти события глобальны, многое меняют в жизни людей и в них самих. Разве может это быть не важным?

Да, у отца была другая семья, но никто из этой семьи не хотел ухаживать за ним, считали, что я должен. Справедливо это, несправедливо? Я должен был ухаживать, и всё. Папа все же по-своему любил меня. Во всяком случае, хотелось бы так думать. Он

знал, какой образ жизни я веду, переживал, хотел, чтобы я образумился. Как можно образумить непутевого мужчину? Женить его, и точка. Отец принял решение. А если отец решил, у меня не было выбора. Он сказал: есть хорошая девушка, ты должен на ней жениться. Папа сказал — сын послушался.

Женился ли я по любви? Ой-ёй-ёй! Вопрос вопросов! И, если честно, сам себе я его никогда не задавал, поэтому, наверное, и ответа не знаю. Папа приказал — я женился. Я послушный сын, сделал так, как он хотел. Он ведь желал мне добра, хотел, чтобы я исправился, стал жить как все порядочные люди.

Хорошие были планы, но папины надежды не оправдались. В результате ничего в моей жизни не поменялось. Я не приобрел новую профессию и в космос не слетал. Что умел, то и продолжал делать — дрался и воровал. То есть плыл по течению, особо не задумываясь, куда оно меня вынесет. Когда течение несет, мало кто вообще о чем-то задумывается. Надо, чтобы Бог стукнул, и стукнул хорошо, тогда начинаешь думать. Бог меня и стукнул. Чайником по голове. Сейчас объясню.

Я был женат, ухаживал за отцом, но старых привычек не оставлял. Приятели позовут: идем, в одном кишлаке свадьба, будем драться — я иду. У нас так: кто пришел на свадьбу — гость, прогнать нельзя. Даже если никто этого человека раньше в глаза не видел, знать не знает, он уважаемый гость, его надо накормить, напоить. Мы были такие незваные гости, которые приходили не для того, чтобы порадоваться, а для того, чтобы по-своему развлечься, то есть подраться. На каждой свадьбе устраивались драки — вот в чем заключалось развлечение, к тому

же это давало возможность подзаработать. Драки заказывали и за них платили. Меня всегда приглашали, я умел хорошо биться.

Как-то нас пригласили на одну такую свадьбу, и там я увидел красивую девушку, она мне понравилась, захотелось с ней потанцевать. Тут как тут нарисовались ее братья и друзья, говорят: ты нам не нравишься, лучше уйди по-хорошему. Я заартачился: вы кто такие, чтобы мне указывать? Они стали угрожать и прогонять грубо. Кого? Меня? Я, конечно, пустил в ход кулаки. Они особо не церемонились, огрели чайником по голове, я потерял сознание.

Очнулся на улице, голова в крови. Мне бы уgomониться и домой баиньки. Но как же, разве можно смириться с тем, что меня побили? И кто, какие-то сельские? Я вернулся, говорю: псы трусливые, идем драться, только по-честному, один на один. Они вышли, но по-честному не случилось, напали все разом, сильно избили.

Травмы я получил серьезные. Долго лечился и приходил в себя. Впервые столкнулся с тем, что нашелся кто-то сильнее меня. Меня избили и унизили, Бог допустил это. Стал думать о Боге, ведь это Он дает силу. Решил, буду Божьим человеком, буду читать Коран, ходить в мечеть, стану сильнее всех. Если я буду с Богом, никто не сможет меня победить.

В это время родилась моя дочь. Я оставил жену с ребенком, поехал в Ташкент. Решил начать новую жизнь.

В Ташкенте пошел работать в магазин подсобником. Разгружал товар, таскал тележки. Искал любую подработку: на стройке, у частных. Многие освоил по стройке, стал неплохим строителем. Главное тог-

---

да для меня было — это честно заработанные деньги, чистые. И прилежно служить Аллаху.

Я не пропускал ни одного намаза, пять раз в день, как положено благоверному мусульманину, стоял на молитве. Где бы ни работал, всегда находил возможность помолиться. Мусульман учат, что нельзя пропускать ни одной молитвы — это большой грех. Я верил, что если буду усиленно молиться, то Аллах сделает меня уважаемым человеком. Коран читал по несколько раз в день. Когда творил намаз, обещал Аллаху: никогда больше не буду брать грязных денег, не хочу больше такого, буду примерным мусульманином, добрым и хорошим.

Бывший хулиган постепенно превращался в честного работягу. Спустя какое-то время хорошо заработал. Денег хватило купить лавку у себя в кишлаке. Жена обрадовалась: давай иди торгуй, приноси деньги. Но я не стал ее слушать, наоборот, сам поставил ее торговать.

Потихоньку торговля пошла. Жена продавала, со временем мы стали зарабатывать хорошие деньги, неплохо поднялись. Авторитет мой тоже поднялся. Бывшие друзья приглашали по старой памяти подраться или своровать что-то, я отвечал им: нет, парни, не пойду, и вы с этим завязывайте. Давайте лучше пойдем со мной в мечеть. Кто-то соглашался, кто-то смеялся. Но я старался всех притащить с собой в мечеть.

Деньги Бог давал хорошие, и я много жертвовал, на кладбищах подавал людям, никогда не проходил мимо бедных, чтобы не дать им монету-две. Творил милостыню везде и сколько мог. Хотел все делать правильно, строго соблюдать мусульманские

обряды. Мечтал: стану настоящим мусульманином, сделаю хадж. Я много народа привел в мечеть, эти люди очень меня уважали, если что, стояли за меня горой.

Конечно, я радовался: вот какой я молодец, люди меня уважают. Мое рвение было замечено. Однажды ко мне подошел имам и предложил быть его помощником. Я был горд: вот чего я достиг своим старанием, от самого имама дождался похвалы и такого лестного предложения. Радоваться-то радовался, но и боязно было в то же время. Свои грехи я знал, старался от них избавиться. А грехи других людей кто знает, кроме них самих? Они молятся об отпущении своих грехов, повторяют за имамом молитвы. И бывает такое представление о грехах, что они падают на имама, если он молится об их прощении. То есть имам, когда молится за грешников, берет на себя их грехи. Если я буду молиться в мечети за грешных, то тоже буду брать на себя их грехи. А у меня и своих хватало. Поэтому было страшно идти служить помощником имама.

Лицо Азамата — вода в сосуде — опять потемнело. Какая-то туча наплыла, какие-то страшные воспоминания вырвались из глубин памяти. Что сделает с ними Азамат? Затолкает обратно, придавит толстой крышкой, чтобы больше не своевольничали, не бередили душу? Азамат думает. Стоит ли озвучивать то, в чем и себе-то признаваться не хочется? Стоит ли говорить о том, что хотелось бы забыть навсегда, еще лучше — сделать так, чтобы его вообще не было? Азамат решается говорить.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....	5
1. Злой... добрый... спасенный	17
АЗАМАТ	
2. Танцующая для Господа	68
ЛЕЙЛА	
3. Этот парень с гитарой	106
ФЕДОР	
4. Сын вольной степи	140
КАМИЛ	
5. Как «смотрящий» на зоне стал пастором	175
ВАЛЕРИЙ	
6. Боль, слезы и... счастье, подаренное Богом	210
ЗУХРА	
7. Хозяин дома открытых дверей	254
КАРИМ	